

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ГАЗЕТОВЕДЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ПРЕССЫ

И. А. Фатеева

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 5 августа 2019 г.

Аннотация: *статья посвящена изучению участия советских газетоведов, представителей хронологически первой отечественной научно-образовательной школы журналистского профиля, развивавшейся в Государственном институте журналистики (Москва), в I Международном научном конгрессе исследователей в области прессы, состоявшемся в августе 1928 г. в Германии (г. Кельн).*

Ключевые слова: *газетоведение, журнализм, научная школа, Государственный институт журналистики, I Международный научный конгресс исследователей в области прессы.*

Abstract: *the article is devoted to the participation of Soviet newspaper scientists, representatives of the chronologically first Russian scientific and educational school of journalism, which developed in the State Journalism Institute (Moscow), in the First International scientific congress of researchers in the field of press, held in August 1928 in Germany (Köln).*

Keywords: *gazetovedenie (newspaper science), journalism, scientific school, State Journalism Institute, the First International scientific congress of researchers in the field of press.*

Процесс зарождения и развития отечественной науки о журналистике в контексте мировой коммуникативистики и гуманитаристики остается одним из «белых пятен» истории науки. Работ о газетоведении, хронологически первой российской научно-образовательной школе в области журналистики, а тем более о взаимодействии русских газетоведов с современными им зарубежными медиаисследователями неоправданно мало [1; 2; 3]. А между тем наши научные предшественники не только сумели создать 100 лет назад, в условиях гражданской войны и последовавшей после нее разрухи, специфическую отрасль знания, посвященную прессе, но и достойно представили ее на международной арене. Речь идет об активном участии советских газетоведов в первом научном конгрессе исследователей в области прессы, состоявшемся в августе 1928 г. в Германии.

Но сначала о событиях рубежа 1910-х и 1920-х гг., относящихся к зарождению газетоведческой школы. По утверждению К. П. Новицкого, автора русской версии термина, давшего название школе, первую свою лекцию по газетоведению он прочел в 1919 г. (ровно сто лет назад!) курсантам Школы журналистов, существовавшей при РОСТА [4, 22–25]. Через два года на базе данной курсовой формы обучения откроется первое в стране образовательное учреждение для подготовки работников печати (Московский институт журналистики), а Новицкий станет его ректором. Газетоведение, послужившее

теоретическим фундаментом преподавания в вузе, рассматривалось Новицким прежде всего в качестве основного, посвященного газетам, раздела журнализма, то есть общей науки о газетно-журнальном деле (второй раздел, на его взгляд, должен быть посвящен журналам). Со временем термин «газетоведение» стал применяться расширительно, заменяя само понятие журнализма, плохо приживавшееся в русском языке.

В понимании Константина Петровича, «учение о журнализме охватывает все познания, имеющие отношение к периодике как таковой в ее прошлом и настоящем, т.е. имеет в виду... изучение условий возникновения, производства, распространения и утилизации произведений периодической печати» [4, 31]. На повестку дня разработчиков теории ставились прежде всего следующие исследовательские аспекты:

1) исторический (изучение эволюции газеты и журнала в зависимости от изменений форм хозяйствования);

2) производственно-технологический (изучение средств, орудий и способов газетно-журнального производства, а именно: организация редакционного аппарата; сбор и обработка газетно-журнального материала; учение о шрифтах, техника набора; журнально-газетная архитектура, т.е. верстка газет и журналов; техника печатания газет и журналов; газетно-журнальная иллюстрация; производство бумаги; сорта, качество, формат и цена бумаги; калькуляция типографских работ и цены на газеты

и журналы; техника распространения периодических изданий);

3) статистический (изучение количественного состава периодических изданий; классификация периодики по срокам выхода, цене, месту и типам издания; статистика распространения периодических изданий);

4) идеологический (изучение содержания газет и журналов: классификация их по общественным направлениям, по видам газетно-журнального материала, а текстов — по темам и форме изложения).

Проработав в вузе три года, создатель газетоведения был снят с поста ректора в середине 20-х гг, но новое научно-образовательное направление продолжало существовать без него. В 1927 г. оно получило дополнительный стимул к развитию в связи с поступившим в институт приглашением принять участие в I Международном конгрессе научных деятелей в области печати, который планировалось провести в рамках программы Кельнской выставки прессы.

По нашим данным, это было первое в мире научное событие такого уровня и профиля [5, 141, 144]: в конгрессе приняли участие 96 ученых из одиннадцати стран (кроме СССР и Германии, это Австрия, Швейцария, Франция, Чехословакия, Польша, Латвия, Греция, Япония и Египет). Советская делегация по численности занимала второе место после хозяев конгресса и насчитывала 13 человек (включая официальных делегатов и гостей). Делегатами были Ингулов, Бочаров, Стоклицкий, Гуревич, Шварц, Курс, Краснов, Фрумкина, Лазьян, Вольфсон [6, 7].

Непосредственно от института журналистики в Кельн был командирован Ю. М. Бочаров (в то время председатель кафедры печати), хотя среди делегатов были и другие его сотрудники, просто на штатной основе работавшие в других структурах (например, А. Курс и С. Ингулов). Бочарову была оказана на конгрессе особая честь: он был избран одним из четырех членов президиума (председателем был швейцарец Отто Веттштейн из Цюрихского университета, его заместителем — лейпцигский профессор Эверт, секретарями Бочаров и профессор Оно из Токио). Юрий Михайлович привез с собой тексты четырех советских докладов: свой (о состоянии газетоведения в СССР), тогдашнего ректора Государственного института журналистики С. Д. Муравейского (о журналистском образовании в СССР), С. Б. Ингулова (о функциях советской печати) и Евгенова (о рабселькоровском движении). Все тексты были переведены на немецкий язык и розданы участникам форума. Президиум «любезно рекомендовал эти доклады вниманию делегатов, подчеркнув, что они представляют большой интерес, хотя и являются дискуссионными» [6, 7].

Со своим докладом Бочаров выступил с трибуны на первом пленарном заседании. По словам очевидца, это выступление находилось «в резком контрасте

с выступлениями не только остальных иностранных, но даже и германских делегатов». Принципиальной особенностью доклада, отчетливо выделившей его на общем фоне, была его (и всего советского газетоведения) методологическая база, а именно марксизм с его классовым подходом к общественным явлениям: «Докладчик отметил, что газетоведение... начало развиваться у нас после октябрьской революции в связи с той ролью, которую играет периодическая печать в жизни СССР... Разрабатываемое в духе марксизма газетоведение является теперь в СССР важной отраслью общественных наук» [6, 12].

В качестве комментария отметим два момента.

Во-первых, такая самоидентификация науки о журналистике как общественной науки резко расходится с тем, как в действительности стали классифицировать ее в Советском Союзе, когда механизм присвоения ученых степеней и званий был запущен (ВАК начал работать в 1934 г.; в период между установлением советской власти и этим временем все научные степени и звания были отменены): в СССР журналистика была отнесена не к социальным, а к филологическим наукам, что оказывает значительное влияние на нее до сих пор. Специально оговоримся, мысль о социальной природе зарождающейся науки не была каким-то личным достижением или особым мнением именно Бочарова — это было «общее место» всех высказывавшихся на этот счет. Для примера приведем цитату из вышедшей в 1925 г. книги «Информация в советской прессе (к постановке проблемы)» еще одного советского теоретика журналистики М. Ю. Левидова: предвещая, что газетоведение как наука «в недалеком будущем займет подобающее ей место в области социальных наук», Михаил Юльевич аргументировал это тем, что она «может быть, больше, чем какая-либо другая социальная наука, возрастает на определенной социальной базе, формируется под воздействием определенного социального окружения» [7, 18].

Второй момент касается тезиса о марксизме как о методологической базе газетоведения. Автор статьи о конгрессе, опубликованной в журнале «Журналист» и подписанной «Делегат», подчеркивая несостоятельность зарубежных газетоведческих концепций, категорично заявляет: «Наука о газете может быть построена только на марксистской основе», потому что «единственно правильным, единственно жизнеспособным, единственно действительно научным социологическим методом является метод марксистский» [6, 12]. Не столь безапелляционен в оценках буржуазного газетоведения был Бочаров, но в отношении советского он, естественно, тоже подчеркивал безальтернативность его методологической основы: «После международного конгресса особенно ощущается необходимость скорейшей марксистской разработки газетоведения, необходимость противопоставить всем буржуазным концепциям в этой

области... стройную систему взглядов, созданную на марксистско-ленинской основе» [5, 153]. В сфере анализа и интерпретации фактов, считал Бочаров, советским ученым придется действовать абсолютно автономно, но на эмпирическом этапе исследований у тех же немцев, продолжал он, можно многому поучиться, особенно в сфере организации научной работы — технической постановки исследований, их оснащения, проведения исследовательских процедур и фиксации их результатов. «Можно ли нам... работать совместно с ними в определенных областях газетоведения, в тех областях, где речь идет о накоплении фактических материалов, о работах статистического характера, о библиографии? Конечно, это всё — те области, где мы можем работать вместе, где мы будем учиться у тех же немцев, области, без предварительной разработки которых немыслимо создание какой-нибудь теории» [5, 152].

Вернувшись с конгресса, советские ученые с удвоенной энергией взялись за решение газетоведческих задач: в 1929 г. в ГИЖе был создан Научно-исследовательский кабинет, недолгое время входивший в систему Главнауки, и возглавил его не кто иной, как Ю. М. Бочаров. В рамках кабинета работало три секции:

- 1) методологическая (с несколькими комиссиями, в том числе исторической, социологической, методики преподавания журналистских дисциплин и пр.);
- 2) техники и хозяйства газеты (включавшая в себя в том числе оформительский блок);
- 3) литературно-публицистических жанров [8].

В 1930 г. усилиями сотрудников кабинета удалось издать сборник статей «Проблемы газетоведения». Замышлялся он как серийное издание, но второго выпуска так никогда и не появилось: из марксистской новорожденная наука о журналистике (точнее, то, что от нее останется после разгромной кампании конца 1930 — начала 1931 гг., ибо и Ю. Бочаров, и М. Левидов, и А. Курс, и все другие оригинальные и добросовестные ученые будут из ГИЖа уволены, а позже репрессированы) превратится в сталинистскую — догматическую, начетническую, несвободную, а потому бесплодную.

Что же касается последствий участия советских газетоведов в конгрессе, они представлялись в момент его завершения многообещающими. Дело в том, что организаторы мероприятия подготовили масштабную программу по продолжению международного сотрудничества в области науки о печати. Ее озвучил на конгрессе профессор д-р Эстер. Он предложил учредить международную организацию по газетоведению и в рамках ее работы предусмотреть: ежегодный созыв международных научных конгрессов; учреждение постоянной международной комиссии, осуществляющей контакт между газетоведами различных стран в промежутках между конгрессами; учреждение постоянного международного органа

по газетоведению в виде ежемесячного научного журнала; выпуск международного ежегодника по газетоведению; организацию составления библиографии по газетоведению в международном масштабе, международного бюро газетных вырезок, международного информационного бюро по вопросам журналистики; международный обмен преподавателями и студентами газетоведения; организацию международного музея газетоведения и т.д. Конгрессом эта программа была одобрена, а подготовительные работы по созданию организации поручены образованному в дни конгресса немецкому газетоведческому объединению, в совет которого вошли профессора Довифат (Берлин), фон-Эверт (Лейпциг), д-р Эстер (Мюнхен) и Капп (Фрейбург) [6, 12].

Независимо от того, была ли в действительности реализована столь обширная программа, участие в ней советских ученых в долгосрочной перспективе было заблокировано на родине: изоляционистский курс, осуществлявшийся партийным и правительственным руководством страны, не оставлял им шансов на широкие и активные контакты с буржуазной заграницей. Как следствие, советская наука о журналистике, несмотря на значительный задел, обеспеченный в 1920-е гг. газетоведами, будет обречена на многолетнее отставание от коммуникативистики передовых стран Европы и Америки: дальнейшие международные научные форумы будут проходить в основном без участия советской стороны.

Завершая сюжет о первой в истории журналистской науке школе, дополним, что термин «газетоведение» после разгрома кружка продолжал использоваться в сталинистские годы применительно к той псевдонаучной и насквозь политизированной литературе, которой заполнялись учебники газетных и пропагандистских отделений комвузов и высших партийных и комсомольских школ, и это в конце концов привело к дискредитации в глазах гуманитарной интеллигенции всей довоенной науки, тем более что у бывших центров развития газетоведения не осталось никаких прямых «наследников», потенциально способных возродить интерес к «репрессированной науке»: например, институт журналистики в Москве был закрыт в 1938 г. На этом фоне был начисто забыт и факт участия советских газетоведов в Кельнском форуме, о котором Ю. М. Бочаров писал в 1929 г. так: «...наше участие на конгрессе было признанием *de jure* и *de facto* советской газетоведческой науки со стороны буржуазного газетоведения. Ценность такого признания можно определять различно, но во всяком случае оно было не только формальным... у делегатов конгресса был вызван интерес к нашему газетоведению, интерес, который и в дальнейшем не перестают проявлять к нашей работе... газетоведческие учреждения и отдельные газетоведы» [5, 153].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фатеева И. А. Российское газетоведение 1920-х годов: контуры научного направления / И. А. Фатеева // Коммуникации. Медиа. Дизайн. — 2017. — № 4. — Т. 2. — С. 105–122.
2. Фатеева И. А. Первая научно-образовательная школа по журналистике России: ГИЖ / И. А. Фатеева // Век информации. — 2017. — № 3. — С. 64–72.
3. Фатеева И. А. О некоторых аспектах развития международных контактов отечественных научно-образовательных школ в области журналистики / И. А. Фатеева // Трансформация медиасреды в XXI веке: матер. между-

нар. науч.-практ. конф. 24 апреля 2019 г. — М.: РГГУ, 2019. — С. 143–150.

4. Новицкий К. П. Газетоведение как предмет преподавания / К. П. Новицкий. — М.: Изд. отд. ГИЖа, 1924.
5. Бочаров Ю. Международный газетоведческий конгресс в Кельне в 1928 г. / Ю. Бочаров // Проблемы газетоведения. Сб. 1. — М.: Изд-во ГИЖ, 1930. — С. 141–153.
6. Первый Международный конгресс газетоведения // Журналист. — 1928. — № 10. — С. 6–12.
7. Левидов М. Ю. Информация в советской прессе (к постановке проблемы) / М. Ю. Левидов. — М.: Издание РОСТА, 1925. ГАРФ, ф. 5214, оп. 1, д. 26, л. 3.

Московский педагогический государственный университет

*Фатеева И. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры медиаобразования
E-mail: fateevafia@gmail.com*

Moscow State University of Education

*Fateeva I. A., Doctor of Philology, Professor of the Media
Education Department*

E-mail: fateevafia@gmail.com